

ББК 84. 2 (Рос-Рус) 6

С 28

Автор данной книги стихов - северянин с двадцатилетним стажем. Север определил всю его поэтическую палитру. О чем бы он не писал - все образы, сравнения, метафоры, а именно они и составляют первооснову поэзии, навеяны Севером.

ББК 84. 2 (Рос - Рус)

Северский И.

Письмена. Стихи. - г. Нижневартовск, 1997

© И. Северский, 1997

Заказное. © Издательство "Приобье", 1997

*Мои дочеря
Елене, Майе, Людмиле
посвящается...*

Березы в снегу.

Вдруг меня поманили
Березы в снегу
И лопатистый кедр,
Отливающий синюю.
И почувствовал я,
Что без них не смогу.
Оттого и уехал
На Север России.
Где-то степи остались
В зазывном цвету,
В озорных переливах
Гортанных и гордых.
И оставил я ту,
Ту, которую очень люблю,
Чтобы строить лобастый

И кряжистый город.
Чтоб себя самого
Испытать на излом.
Ведь от этого люди
Становятся крепче.
И увидеть, как в домнах
Полярных ветров
Отливают мужские
Упрямые плечи.
Вдруг меня поманили
Березы в снегу,
Край далекий, зовущий
Померяться силой.
И почувствовал я -
Без него не смогу.
Оттого и уехал
На Север России.

Таежная баллада.

Завтра будет погода - что надо !
И за нами пришлют вертолет.
А пока - над тайгой канонада,
Лупим птицу болотную влет...
По закрутке осталось на брата
Да десяток ржаных сухарей.
У костра мы молчим виновато,
Поедая убитых гусей.
Хруст костей - занимается вечер.
Сытный дух над молчащей тайгой.
Мы живем ожиданием встречи

Догорает закат над рекой.
Завтра будут и баня, и бабы.
Бесшабашье. Загул удалой...
Отчего же глаза у прораба
Беспредельной залиты тоской?
Все уйдем - кто в семью, кто в работу.
В мелочевку и быт суетной.
Будут ночью нам сниться болота.
Сытный вечер, вселенский покой.
Если где-то, в бетонных чащобах
Точку резко поставит судьба -
Белым светом мятежных сугробов
Нам мигнет голубая звезда.

26
H.K.

Босиком.

Босиком по воде,

По земле,

По траве...

По опавшей листве,

По ребячьей судьбе.

По болотам,

За ягодой...

По камышам

Пробегают погодки -

Три крепыша.

А потом - в том далеком,

Сорок втором

Их по снегу вели

На расстрел. Босиком.

Полюбить этот край тяжело

Птица ль с криком легла на крыло....
Полюбить этот край тяжело. Дождь ве
Мрак ли вползает тревожно.
В каждом звуке я слышу одно:
“Полюбить этот край тяжело -
Разлюбить этот край - невозможно”.
Полюбить этот край тяжело -
Двое суток идем бездорожьем,
Забивает глаза комарье,
Только все, что прошел - то мое!
Разлюбить этот край - невозможно.
Пусть беда постучится в окно,
Пусть судьба ухмыльнется острожно
Но со мною - как знаменье моё -
“Полюбить этот край - тяжело,
Разлюбить этот край - невозможно”.

Дом.

Дом нежилой,

Перед сносом - зимой.

Снежным сугробом подперта калитка.

Двери крест на крест крепко забиты.

Грубой сучкастой доской черновой.

Ветер гуляет на чердаке.

Щели меж бревен дом изорвали.

Стон иногда раздаётся ночами -

Лучше бы уж на дрова разобрали,

Чем пропадать на шальном сквозняке.

Моим землякам -
генетически ссыльным,
посвящается.

Ваше сиятельство, милая пани.

Ваше сиятельство, милая пани.

Ночь за окном воет зверем

Стреноженным.

Глухо звенит кандалами, штыками....

Милая пани, чем вы встревожены?

Сани несутся - тугие, упругие.

У седоков отрешенные лица.

Лошади в мыле. Храпят под

Подпругами.

Что вы, графиня?

Что Вам не спится ?

Вам померещилось...

В зареве душном

Рубятся всадники, рушатся коники.

Холод безмолвия выстудил душу,

Ногти вонзились в эмаль

Подоконника.

Нужно ли Вам это, нежная пани?

Темень пронизывать взором
Отчаянным.
Вам вечера коротать бы с гостями
За разговорами, бриджем и чаем...
Выживет в сечи, выпадет каторга -
Так уж судьбою ему уготовано -
Жизнь свою верстами мерять
Этапными
Да заслужить лишь забвеньё
Потомков...
Не отвечает, шубу накинув
На девичьи плечи,
Не повернув головы на прощанье,
Сходит с крыльца и берет ее Вечность.
Время течет над местами острожными,
Но не сминаемое веками:
“Ваше сиятельство, чем вы
Взволнованы
Чем вы встревожены, милая пани?”

А лето кончилось
Звенящей синевой,
Прохладным солнцем,
Утренним туманом,
Обильною поблекшею росой
И прелых листьев
Сладостным дурманом.
Брусникою, грибами, тишиной.
Спокойствием,
Открывшейся охотой.
Отточенной и твердой прямою
В делах и в мыслях,
В будничных заботах.
И наполняясь зрелой простотой,
Надежностью
И мудрым пониманьем,
Приходит осень
Песенной красой.
Приходит осень
Звездным опазданьем.

Белый лист оставляет без сна.
Снег на мокрую землю ложится.
За окном, как летящие птицы,
Только лица да имена.
Грусть осенняя сводит с ума.
Впереди - одиночества серость.
Как любилося, мечталось и пелось
Не расскажешь - пустая сума.
Впереди - затяжная зима
Да снега бесконечной разлуки.
И в слова не слагаются звуки.
Их по свету разносит молва.
Погребальные колокола
Замолчали.
Их звон поминальный
Над равниною кружит печально,
Повторяя исповедально:
“Только лица да имена”.

Скрипело, двигалось, визжало.
Как товарняк стучали дни.
Все пребывало, и крепчало
Предчувствие большой беды .
Предощущение утраты,
Смятение знакомых лиц.
И жалость жалкою заплатой
Казалась.
Крик протяжный птиц...
Тропинок белое смятенье,
Окно, подернутое льдом.
Предвосхищало удивленье
И упоение стыдом...

Но вдруг, как стрелка
В черном круге,
Как белый выстрел в темноте,
Ты, с бешеным весельем вьюги
В один из дней явилась мне.
О, дивный миг звездовращения,
Пересечения миров.
Надежд несбыточных свершенья
И помрачения умов...
Но вот - все скомкано и смято.
И стынут на снегу следы,
Предощущение утраты,
Предчувствие большой беды.

(Н.Р.)

Ночь-воровка

Ночь-воровка нас бросила в бездну,
Наши души смешав и тела.
Все вокруг растворилось, исчезло.
Серый пепел - немая зола.
Но едва зацепился за крышу
Луч - посланник грядущего дня.
От тебя я впервые услышал:
“Все ты врешь, ты не любишь меня”.

День был ярким, томительным, жарким
Изумрудно блестела трава.
Мы гуляли в реликтовом парке.
Ты твердила: “Права я, права...”
Дни тянулись, а годы мелькали...
И желанием страстным маня,
Губы милой как прежде шептали:
“Все ты врешь, ты не любишь меня”.

Череду восторг и усталость
Суждено нам по жизни идти.
И осталось лишь самая малость -
Старость - грустный отрезок пути.
Нам в затылки натружено дышит
Торжество ледяного огня.
Ну а я? Я по прежнему слышу:
"Все ты врешь - ты не любишь меня".

За женщиной вхожу в осенний сад...

За женщиной вхожу в осенний сад,
Играет лист прощальной позолотой
На плечи апельсиновым налетом
Ложится облетающий закат.
У женщины неторопливый взгляд,
Но сквозь его янтарную дремоту
Желание паденья и полета
Сквозит как сто и двести лет назад...
Греховных яблонь вещей аромат,
Безумство, искупленное смиреньем.
И женские колени, как ступени...
Ступени в рай или ступени в ад.
Мы будто в ожидании беды,
Над нами горький призрак отреченья
Но по округлым пламенным ступеням
Вхожу в осенний сад твоей судьбы.

HERO FROM THE
PARADISE

Вольный перевод с татарского
Булата Сулейманова

Ветер сшил

Ветер сшил для поля саван,
Горький саван расставанья.
Дождь в окно мое стучится.
На дорогах - хохот бури.
Ты, которая и солнцем для меня была
И летом. Ты ушла.
Так покидают птицы -лес,
Листва - деревья. Ты ушла -
Переломились крылья пламенного
Сердца.
Не догнать теперь тебя мне,
Тяжела дорога к лету.
Видно зимовать придется
С одиночеством и болью.
Лед твоих следов остывших
Я душою соскребаю.
Хоть для этого пригодны
Мои сломанные крылья.
Ветер сшил для поля саван-
Горький саван расставанья.

Час жестокий...

Эта женщина, друг, не про нас.
Этих губ колдовское веселье.
Этих рук и объятий похмелье
И змеиная преданность глаз.
Она выдаст тебя и продаст -
К колпачку приторочив бубенчик,
Это нам за покинутых женщин,
Что любили без памяти нас.
Мы рубили с плеча - нипочем
Были нам их немые укоры.
А они исчезали покорно,
Уносимые вешним лучом.
Час жестокий, но праведный час,
Так по крупному сводятся счеты.
А удача - бесстыжая сводня-
Улизнула, ехидно смеясь.

Любить тебя...

Любить тебя - Господь не приведи...
Уж лучше на унылые галеры.
Весло и цепи не лишают веры,
И даль морскую видишь впереди.
Забыть тебя - Господь не приведи,
Уж лучше на унылые галеры.
Весло и цепи не лишают веры.
И даль морскую видишь впереди.

Я не могу разгадать.

Я не могу разгадать
Этот извечный секрет
Где твое “да” - это “да”
Где твое “нет” - это “нет”.
Вот пелену разорвал,
Как простыню рассвет...
О, я вчера угадал
“Да” в неприступном “нет”!
Нынче ты в дождь ушла,
Сумрак в моем окне.
Это в покорном “да”
Зрело стальное “нет”.
Тонкий стальной клинок
Рвет паутины бред.
Ржаво скрипит замок -
Слово сложилось “нет”.
И никакие дары,
И никакая мольба.
Не превратят, увы,
“Нет” в желанное “да”.
Но если ждать и терпеть,
И коль милосердна судьба.
То снова в решительном “Нет!”
Услышишь желанное “Да!”.

Продаются щенки Королевского дога.

Продаются щенки Королевского дога

Продается до мая распутная няня.

До весны у медведя сдается берлога,

То любимые в ссоре

И дружат домами.

Вечерами - застолье,

А утром - похмелье,

Где щенки Королевского дога

Да няни.

Ядовитой слюною сочится веселье.

То любимые в ссоре

И дружат домами.

Ничего нет глупей

Несуразности этой.

Будто сердцем играют

На теннисном корте.

Будто ласки любимой

На вешнем рассвете.
Сургучом запечатать
Решили в реторте...
Нет пророка в отечестве -
Мало кто знает
Как же выпасть из этого мерзкого
Круга.
Как быть чистым пред совестью,
И пред женщиной.
Как быть честным с любимой
И искренним с другом.
Поневоле завоешь
И вспомнишь дуэли...
Как же просто решались
Подобные драмы.
А пока неприкаянно кружат метели,
То любимые в ссоре
И дружат домами.

Родина.

О, эта влюбленность во благо
Деревьям, дождю и мечте.
Безумная дремлет отвага
В опущенной правой руке.
Ты дремлешь, а кольца льняные
Покрыли кольчугою грудь,
И завтра мои вороны
Продолжат свой тягостный путь.
И снова бессильны проклятья,
Дымится застойная степь.
Под тяжестью древних заклиний
Крошится чугунная цепь.
Под скрип колеса бестолково
Встают верстовые столбы.
На сизой дороге - подковы -
Предвестники зла и беды.
Над степью - беспечный стервятник,
На солнце - седая черта.
И мрачно, как прошлые клятвы,
С курганов глядят черепа.
Плетется кибитка лениво,
Неведомо, что впереди.
Ты дремлешь, а кольца льняные.
Кольчугой легли на груди.

Ты представь себе...

Ты представь себе, что ты- халиф.
И тебя ласкает одалиска.
В розовом свеченье ног нагих
Гибнет все, что дорого и близко.
Пеплом засыпает города.
И песком заносит караваны.
Лишь она, как дальняя звезда
Блещет светом яростным и странным
Будто плаха танец живота.
И в небытие уходят страны.
Солнце поглощает темнота
Полная безумства и желаний.
Все прощальным светом озарив,
Умирает стон на ноте низкой.
А ты представь себе, что ты- халиф!
И тебя ласкает одалиска.

Эти свадебные сани.

Эти свадебные сани,
Две дорожки параллельно.
Я с любимой - ветер с нами.
Щеки милые алеют.
У моей любимой ножки
В шубу кутаны соболью.
Мчатся свадебные сани
В чистом поле- в чистом поле.
У моей любимой очи,
Будто кто светелку вымыл
Да зажег огонь поярче -
Переливами играют.
Никого на белом свете -
Только я да ветер вольный.
Да любимая со мною...
А очнусь - в окно стучится
Дождь осенний и холодный.
Госпитальная палата,
В занавесках серых окна.
Кто-то рядом тихо стонет,
Кто сквозь стоны шлет проклятья,
Ну а где-то в чистом поле,
Сани свадебные катят.

Карты розданы.

Карты розданы - пора!
Повышать за ставкой ставку
Или выходить в отставку,
Или ехать со двора.
Карты розданы - пора!
Случай нас выводит в люди,
Победителей не судят,
Победителю - ура!
Карты розданы - пора!
Взятки брать и покрупнее.
Не успеешь - одолеют,
Не протянешь до утра.
Карты розданы - пора!
Дорожить заветным ходом,
У тебя в руках колода,
У тебя в руках игра...
А игра не стоит свеч,
Оплывающих в скандалах.
Ни инфарктов, ни скандалов,
Ни голов, слетевших с плеч.

Любой предмет достоин глубины.

Любой предмет достоин глубины,
Лишь гранью познается
Многогранник.
Лишь в странствиях отыскивает
Странник
Следы свои и робкий блеск луны.
Ничтожен червь,
И мерзостны лгуны.
Но ведь любой из них - судьбы
Избранник.
Дворцом прекрасным делает
Предбанник
Тот, кто дарует сладостные сны.
Мы забавляемся - беспечны и вольны,
А над планетой простирает длани
Тот, кто шутя вращает многогранник,
Тот кто нашел все то, что ищет
Странник,
И перед кем мы мелкие лгуны.

Крик...

Крик пролился волной,
Крик повис пеленой.
Захлебнулся и сник
Оглушительный крик.
Повторился в горах
На семи языках,
Над ущельем повис,
Опрокинувшись вниз.
Захрипел, изнемог,
Только горный поток
Этот крик подхватил,
Обласкал и обмыл
Кровоточины слез.
И в долину унес.

Театр.

Ваш выход, Принц.
Но занавес оборван.
Уснул суфлер, и в ложах суета.
Подмости ждут
В презрении покорном.
Ваш выход после
Реплики шута.
Шут надоел,
И в тягостной истоме
Застыл партер
И жаждет перемен.
Так женщина
Под нелюбимым стонет.
Миг предвкушенья
Сладостных измен.
Ваш выход, Принц.
Дай Бог вам
Быть любимым.
Талант, поверьте,
Вянет без любви.
На толщу лет
Ложатся слоем пыли
Шипящие, безрадостные дни.
Но тонкий луч,

Пронзительный, слепящий
Вас вырвет из безвестности и тьмы.
И вот вы - Принц.
И канул город спящий,
Укутанный в тяжелые дымы.
Что наша жизнь?
Лишь хрупкие подмости,
Пыль всех надежд
И всех иллюзий прах.
Ступайте, Принц.
Я знаю - все непросто
И Вас гнетут сомнения и страх.
Но жребий брошен,
Занавес оборван,
Парит клинком
Звонящий монолог.
А за кулисами, в смирении покорном
рыдает шут, и он от слез промок.

Опять разжалован в пажи,
Опять прощен, но не обласкан.
За то, что дивной зимней сказкой.
Мне показалась эта жизнь.

Свежо!
Пронизывает дрожь,
Долдонит дождь
Заумный, длинный.
Жизнь прожита
До половины
Такая же, как этот дождь.

Я пес у Ваших ног.
Нет!
Шкура пса.

Похолодало!
Стынет стих в стакане.

Дворник.

Ветер доносит
Терпкий и сладостный запах тленья.
Тленья того, что мы звать
Привыкали нетленным.
Ветер уносит, уносит как желтые
Листья на запад
Обожествление наше и оупение.
Коркой сухою
Шуршат по асфальту догматы.
Дворник их в кучу сметает,
Готовит к сожжению.
Рыбным скелетом
Торчат сиротливо цитаты.
Из венценосных трактатов
И стихотворений.
Сумрак сгущается. Холодно.
Двор запустелый.
Дворник усталый стоит,
На метлу опираясь.
Много работы,
И с долгою завистью белой
Дворник глядит на огонь
И зовет к себе старость..

Времена.

Время неверных часов
И ненадежных друзей.
Вздогнул чугунный засов,
Холод идет от дверей.
Дремлет в созвездии Псов
Врун и болтун Водолей.
Время разбуженных Сов
И отгоревших страстей.
Миф превращается в быль,
Быль обращается в небыль,
Но непременно на Небо
Выпадет звездная пыль.

Творчество.

Под строгую сень тополей.
Ложатся прохладные тени.
Так горькое эхо сомнений
Ложится на лист без полей.
Несмело выводит рука
Начало неведомой сказки,
Где юность живет без опаски,
И стынет любовь старика.
Скрипит под нажимом перо,
Роняя чернильные брызги.
В них зябнут неясные жизни,
Как в пашне весной зерно.
В окно чьи-то судьбы стучат,
Слегка задевая за ставни,
Быть может то вечер поставил

На день огневую печать.
А может быть просто трещат
Сухие поленья в печурке,
А может тревожно и чутко
Под крышею голуби спят.
Как сладостен призрачный миг,
Когда из остывшего пепла
Из кляксы, оброненной кем-то,
Рождается яростный мир.
В толпе одинаковых дней
Спасают от гибельной лени
Прохладные длинные тени,
Что лягут однажды в смирении
Под стройную сень тополей.

Мастерство.

Руки силы не берегут.

Жгут провешен неспешно и ровно.

Подгоняя старательно бревна,

Двое плотников стену ведут.

Как рассчитан и точен удар.

Мастер ликом и духом спокоен.

И ни град, ни мороз, ни пожар

Мерный ход топора не ускорят.

Цель и смысл в мастерстве мастераю

И никто уж не сможет оспорить.

От фундамента и до венцов

Мир руками их слажен и скроен.

На бегу спотыкаюсь о жгут,

Вдруг увидел, как ладно и ровно

Двое плотников стену ведут,

Подгоняя старательно бревна.

Милая.

Ты меня истомила, милая.
Ожидание, как погружение
В океан, нашпигованный минами,
В зону жесткого излучения.
Луч надежды, как луч радиации...
Шансы тают с каждой минутой.
Происходит супермутация
Светлых чувств в возжелания мутные.
Утро дивное дышит солнечно,
Теплый ветер ласкает спину,
Высоко вокруг и безоблачно...
Приходи же, иначе - сгину.
Затеряюсь, задавленный милями.
Как губительны расстояния.
Ты меня истомила, милая
Безысходностью расставания.
Словно рушится дом хрустальный,
Отраженный мир - зазеркалье,
Лишь осколки воспоминаний
Да мучительное ожидание.

Шестнадцать коротеньких строк.

Шестнадцать коротеньких строк:

Рождение, первое слово.

Предчувствие мира большого

И шаг за родимый порог.

Шестнадцать коротеньких строк:

Зарплата, расплата, утрата...

Все то, чем так юность богата,

Все то, что хотел и не мог.

Шестнадцать коротеньких строк,

Случайные глупость и смелость-

Черешен янтарная спелость,

Конец бесконечных дорог.

А время подводит итог:

Сложилась судьба - не сложилась,

И как это все уложилось

В шестнадцать коротеньких строк.

Терриконы.

Усыпальницею царской
Над седыми ковылями
Блеском угольным сияя
Террикон парит над степью.
На рассвете густоросном
Будто кто алмазы сыпал,
Уголь - ведь родня алмазу,
Брат его единокровный.
Блеск же свой в себе хранит он
И тепло, и вдохновенье,
И уют родного крова
До поры от глаза прячет.
Но придет лихое время,
Разгуляются бураны,
Ветер северный, морозы
Принесет со льдов полярных.
Вот тогда и станет ясно,
Что чего на деле стоит.
Блеск надменный и холодный
Или угольное пламя.

Служенье муз...

“Служенье муз не терпит суеты...”
Служитель муз приветствует дорогу.
Уходим в ночь и сразу, от порога
Ступаем в мир кромешной темноты.
Рассвет далек, а свет твоей звезды
Скользит по водной глади еле слышно.
Опасно оказаться третьим-лишним
При выборе мечты или судьбы.
И пусть судьба жестока, но своя,
И пусть мечта несбыточна, наивна.
Как любим мы пассаты и приливы,
Но как же мы губительно ленивы,
Как нам мила “чужая колея”.

Клятвы

Клятвы, данные в постели,
Грош-цена вам на рассвете,
Вы корежитесь от солнца,
Словно мартовские льдинки.

Клятвы, данные в постели,
Грош-цена вам в понедельник,
Словно рыбе, что осталась
От воскресного базара.

“Вся твоя, до сухожилья,
До кровиночки последней” -

Причитание торговки
Над испорченным товаром.

Клятвы, данные в постели,
Грош-цена вам на рассвете,
Только что бывает крепче
Клятвы той заветной ночью...

Я вернусь...

Я вернусь, прилечу посредине
Суровой жестокой зимы.
Будет стыть подо льдом
Речка дивная с именем Ивдель.
Будут что-то ворчать о любви
Кедрачи-молчуны, и ты выйдешь,
Встречать меня поутру выйдешь.
Будет стать твоя литься,
Как воск в серебре,
Будет простынь белее
Январского снега.
Будет в доме покой,
Будет хлеб на столе.
И зарей золотой расплескается нега.
Утону, пропаду
В мятных кольцах льняных.
Задохнусь от негромкого
Первого стога.
Будет день бесконечен,

А вечер печален и тих.
И от счастья всплакнет
На иконе мадонна.
Ты лампаду засветишь—
Пройдешь босиком.
По дубовым доскам
Пробегут твои ноги.
Встанет солнце,
И я не уйду с рюкзаком
По заснеженной
И бесконечной дороге.

Как вечный лист...

Как вечный лист трепещет на ветру,
Надежда на любовь и состраданье
И жгучее желанье понимания
Толкает нас на новый тяжкий труд.
В пургу и стужу, слякоть и жару
Мы отдаем себя, как на закланье.
Желаем малость - капельки внимания.
Но этот труд судьбе не по нутру,
Она играет в скверную игру.
То, вдруг, утопит
В ложке горькой влаги,
То, вдруг, потребует
Жестокости, отваги,
То ввергнет враз в такие передряги,
Что будешь мерзнуть в лютую жару.

Люди любят ночами...

Люди любят ночами,
Днем живут мелочами.
День обычно у них
Начинается с чая.
Люди любят ночами.
Днем же люди скучают.
День обычно у них
Продолжается щами.
Их разбудят ночами
Вековые печали.
Вечерами же люди
Предаются отчаянью
День прошел, не вернешь...
Он уже за плечами.
Люди любят ночами.

За крик печали и тоски прости.
Но не горят в огне листки - прости.
Жизнь, как актриса
Травести свистит.
Часы забыли завести,
Монеты с паперти смести.
И старый фрак в ломбард снести.
Прости.
Не принимают фрак в заклад.
Вот так.
Кому он нужен, этот фрак-чудак,
Когда часы у всех подряд стоят.
Монеты медные в траве блестят.
И могут дом в любой момент снести.
За крик печали и тоски прости.

После пожара в библиотеке.

....Того убогого слепца.

Давно пора поставить точку.

И скарб, распроданный в рассрочку.

... Неиспесщренного лица.

Кипело буйство и ярилось.

И выносила прочь волна.

Она была легка, вольна.

Все повторилось, повторилось.

Сквозным огнем материка

Гонимый, шел он сквозь проливы,

Сквозь грозы, ветры, переливы,

Как будто капля мотылька.

Его ласкало и манило.

Порою покидали силы.

Но слышен был издавека...

Зари клокочущий подранок...
Ему шептали - рано, рано.
Не время, ждут ли моряка
Морщин беззубые старухи.
И только в грудь стучала глухо
Простая песня маяка,
Что вскрикнув, падает на камни.
И этот крик смертельно ранит.
Зацарствует в груди тоска,
Погонит в суть она скитальца.
Но не удался, не удался
Оплаканный кусок холста,
Оплаченный кусок холстины.
Пора бы стать ему картиной,
Но только слабый бред мазка.

Нам веселиться - пара пустяков,
Коль в лад судьбе настроена гитара.
На стол поставим литр "Солнцедара",
Еще найдется пара медяков.
А если не найдется медяков,
Тогда мы станем около базара
И запоем, и литр "Солнцедара"
Поставят нам за музыку без слов.
Еще поставят литр за слова.
Ну вот и все. И чем Вам не веселье.
На утро нас не мучает похмелье.
Так пей- гуляй, шальная голова.

Посидим, подумаем
В скорбном одиночестве.
Сбудется - не сбудется.
Хочется - не хочется.
Если перехочется
Или пересбудется.
Выйдем за околицу
Или же на улицу.
Постучим сапожками-
Кованными, ладными.
Мощенные площадками
Тропки тротуарные.
Ограждают ставенки
Девичьи окошицы.
Топчем палисадники-
Хочется, ох, хочется...
И девицам хочется -
Не пускает маменька.
Пусть уж лучше топчутся
Хлопцы в палисаднике.
Пусть уж лучше топчутся,
Может перехочется.
Посидим, подумаем
В скорбном одиночестве.

Перед рассветом.

Я цепями гремел
И зубами стучал.
Лязгал скорбно и строго
Серьезный металл.
После локти кусал
И белугой ревел.
Мне бы надо успеть,
Только я не успел.
Раз в бездонном колодце
Я напился воды.
Почерневшее солнце
Затопило пруды.
Но чтоб не было большей
Со мною беды,
Я сжигал корабли
И канаты рубил.
Как красиво горел
Мой последний фрегат,

Мой последний корсар,
Белоснежный мой брат.
Больше надо мною его парусов,
Только цепи от старых
Настенных часов.
Только чащи лесные,
Да филина крик.
Да глядящий в упор
Одногорбый старик.
Однорукий, беспальный
В поддевке, в лаптях.
Да укору во взоре,
Да совесть и страх.
И тропинка, что тает
В безбрежной дали.
Вот ее дол рассвета
Мне надо найти.
А не то скорбно лязгнет
Суровый металл.
Только вспомнят как где-то
Зубами стучал.

М. 1917

В таверне - сизый смог.

В таверне - сизый смог.
В таверне - все пьяны.
Кабатчица Ассоль
Проезжих веселит.
От розовой мечты,
От алых парусов,
Остался пьяный принц,
Да этот кабачок.
Следы немых рук,
Следы бесстыжих глаз.
Да полуночный стук -
Подъехал тарантас.
Иди, встречай гостей,
Готовь еду с вином.
А муженек - в постель.
Лежит - бревно - бревном.
Непрошено подчас
Срывается слеза...
Ах, если б юность знала,
Ах, если б юность зна...

Послесловие.

Победный рог уж не трубит.
Года в него набьют песок.
Печальный рыцарь пулей сбит,
Как камнем с дерева листок.
На живодерне Россинант.
В чистую спился Санчо Панса.
И на потеху чужестранцам
Поет подобье серенад.
Вчера, который день подряд,
Я пил в таверне, не пьянея.
На грязной сцене Дульсинея
С себя снимала, не краснея.
Косынку, платье - все подряд.

Душа мятежная моя

Душа мятежная моя
Металась, словно зверь в неволе.
Душе хотелось в чисто поле,
Где б на сто верст метель мела.
Переметая все пути,
Круша надежды на спасенье.
На кров, тепло, на возвращенье.
В мир бестолковой суеты...
Чтобы по волчьи, стиснув пасть,
След в след за вожаком ступая,
Считаться не последним в стае.
Суметь напасть и не пропасть.
И чтоб судьбы кровавый снег
В его безумном совершенстве
Напоминал бы о блаженстве
Былых отчаянных утех...
Но ты неслышно подошла,
Легонько лба рукой коснулась.
И все во мне перевернулось.
Пришел покой - печаль ушла.
И стал прозрачным горизонт.
И обитаемым стал остров.
И на заброшенном погосте
Зазеленел угрюмый склон.

Разбивалась пурга о бетонные стены.
О железные, плотно закрытые двери.
Задыхалась, со злобною пеною белой.
Уползала и выла израненным зверем.
Воцарялась вселенская снежная слякоть
Все на свете теряло свою изначальность
Закрывалась душа,
И уставшие плакать упивались
Окрестности скорбной печалью...
И в несущемся ропоте шири безбрежной
Все казалось подернуто мраком и тленом
В бесприютно-пустынной и нищей
Вселенной
Только ты оставалась последней
Надеждой.
Приходила - легка, с серебристой
Усмешкой.
Согревала озябшую душу в ладонях.
Становилось светло, и полоскою нежной
Занималась заря на крутом небосклоне

Другая повесть.

Нет, не будет “как в кино”.
Здесь совсем другая повесть.
Вот и твой отходит поезд.
Мой ушел уже давно.
Домом стал моим вокзал -
Приезжаю, уезжаю.
От себя ли убегаю,
От тебя ли убежал.
Как не кинь - судьба одна -
Я остался на перроне,
Ты сидишь в своем вагоне
У немытого окна.
Но печаль моя мудра -
Впереди иные встречи.
Руки, волосы и плечи.
Разговоры до утра.
Побежит из-под колес
Молодой, упругий зимник.
Будет небо светло-синим.
И хрустальным плач берез.
И однажды, что тужить...
У костра, в застолье тесном
Ты ко мне вернешься песней,
В ней все просто и чудесно,
В ней все искренно и честно.
И другому эту песню
Не дано, увы, сложить.

Где-то, за синими далями
Фея живет молодая.
Стройная, голубоглазая.
Сказки мне все рассказывала.
Было за окнами вьюжно,
И завывали метели.
Сидел я и сказки слушал,
Жарко дрова горели.
Нам и тепло и уютно.
Пахнет смолой и хвоей.
Она мне сказала:
“Нужно, что б ты был всегда со мною”.
Я сказочница, а сказки -
Они просты и наивны.
Хочу, чтобы ты остался
Единственный мой, любимый.
Она мне доверилась страстно.
Лишь феи так доверяют.
Прекрасною нежною сказкой
Кружилось ее воркованье.
Но кончилась непогода,
В камине дрова догорели.
Я стал собираться в дорогу,
Прощаясь с прекрасной Феей.
В ответ я услышал только
Тяжелые тихие вздохи.
Я понял, что сказка кончилась.
И кончилась сказка плохо.

Ночная тревога.

Ночь взорвана. Броском рассечена.
Как булка хлеба черного разломлена.
Все по боку - что прожито и пройдено.
В судьбе зияет рваная дыра.
Зияет в небе черная дыра.
Была звезда, и вот ее не стало.
Теперь - ты приложение к Уставу,
И жить тебе, возможно, до утра.
Что ж? До утра, так значит до утра.
Ты остальных не лучше и не хуже.
Мощь сочетания - мужчина и оружие -
Измерено лишь тяжестью утрат.
Измерено лишь горечью утрат
Испепеляющая горечь поражений.
Но ты в строю, и нет иных решений.
Сам черт тебе ни сват да и не брат.
Да, ты - солдат, и за тобой страна.
Она зачахнет без твоей отваги.
Хмельным азартом выброженной браги
Ночь взорвана - броском рассечена.
За мной пыхтит надежда человечества.
Нет, нет - не будет мертвых,
Покалеченных.
Все впереди - беда, вина, война.

Конец сезона.

Хранили кедрь сдержанную мудрость,
Похрустывала пальцами осина.
И сохраняли зимнюю упругость
Бесчисленные поймы и трясины.
Тайга была обширна и доступна,
Помалкивали ели домовито.
Но март уже капелями отстукивал,
И наст ломал сохатому копыта.
Азартно лупят ружья за рекой
По глухарям,
А те пьяны любовью.
Пожухлый снег окрашивался кровью,
И слизывали псы ее гурьбой.
Есть у весны к опасности презренье,
Но подозренья - вид прозрения особый.
И сетовал уже на невезенье
Облаянный и выслеженный соболь.
Кликушествует рьяно воронье -
Деревья подло предали зверье.
И молодая стельная лосиха
Поймала пулю- рикошетом. От осины.
Так продолжалось около недели.
Затем хвосты у белок порыжели
И промышлять их стало не резон.
Закончился охотничий сезон.

Новости.
Повести.
Здравствуйте, гости.
Старые волости,
Мятые кости.
Мятые зимники,
Профиль протоптанный.
Где-то - озимые.
Рядом - болота.
Где-то уют, тишина и покой.
Здесь только лозунг:
“Даешь Уренгой!”.

Привальная песня.

В жизни все изначально -
И рождение, и смерть.
Зимний свет величальный
И венчальный рассвет.
И моя лебединая женщина
Стала первой любовью моей.
Мне не надо другой -
Видно эта судьбой мне обещана.
Мне от этой своей
И теплей, и светлей.
Слава - вещь быстротечная,
Как хорошая весть.
Но живут в бесконечности
Только верность и честь.

И последняя пуля в нагане
Стала первою пулей моею.
Мне не надо другой -
Видно эта судьбой мне обещана.
Мне от этой своей
И теплей, и светлей.
В этой жизни случайны
И рожденье, и смерть.
Зимний свет величальный.
И венчальный рассвет.
С нами все то, что пройдено.
Мы в пути до конца своих дней.
Но одна у нас Родина.
С нею нам и светлей, и теплей.

Золотые монеты
Втоптаны в грязь.
Паруса у корвета
Изодраны в клочья.
Не пристанет к тебе
Подзаборная грязь.
Остальное неважно,
Не нужно, не срочно.
На портянки изодран
Парчовый камзол.
Я шелками лионскими
Вымощу площадь.
Пусть останется то,
Что я в жизни нашел.
Остальное неважно,
Не нужно, не срочно.
Капитанский мой грог
Безнадежно остыл.
Моя медная рында
Умолкла бессрочно.
Пусть останется та,
Что безумно любил
Остальное неважно
Не нужно, не срочно.

Плач

Над рекой, на крутояре
Одинокая береза.
По весне, на этом месте
Слышно пение капли.
Под березой - холм могильный.
Каска с красною звездою.
И лишь только пригревает
В полдень мартовское солнце,
Как жена о павшем муже,
Плачет старая береза.
Той военною порою.
Здесь на этом крутояре
Насмерть полк стоял стрелковый.
И невестушкой своею
Звал березу парень русский.
Но зазубренный осколок
От фашистского снаряда
Грудь его пробил навывлет
И застрял в стволе белесом.
Так они и повенчались...
Смертью, вражеским осколком.
Их судьба соединила.
И как только пригревает
В полдень мартовское солнце,
Как жена о павшем муже,
Плачет старая береза.

Случай в дороге. (рассказ водителя)

Буксовали...
В брызгах расписных
Отражался мир и рассыпался.
Только мой напарник
Не сдавался. Мой напарник -
Он не из таких.
Коренастый, северных кровей.
Жилистый, напористый, охочий.
Жизнь его ворочает, ворошит,
Он же только крепче и сильней.
Буксовали... Падала капель
И со звонким криком разбивалась.
Но была дорога. Был апрель.
И до дома малость оставалось.
День - деньской,
Как дьяволы в грязи.
Поминая жизнь не лучшим словом,
Мы свой путь мостили из лесин,
Пили чай густой, как керосин,
Застревавший в наших глотках комом.

Уж стемнело... только вот вдали
Будто бы из бездны прорываясь,
Показались желтые огни.
И сказал я парню: “ Посмотри!”
Он же мне ответил:
“Показалось” .
А потом слышали мы шум.
И мгновенно ноги подкосились,
Миг удачи в воздухе носился.
И напарник стал не так угрюм.
А потом тянула нас братва.
Ничего особенного - тросом.
Все нормально было - без вопросов.
Мы домой добрались до утра.
И теперь в житейской кутерьме.
Тех ребят я часто вспоминаю.
Понимая - сила в том большая -
Бросить трос буксующим в беде.

“Щенячие охи и ахи,
Восторженной юности пыл.
По склону скользит росомаха,
И тают под солнцем следы”.

Слова эти, словно заклятье,
Мой грустный попутчик твердил,
И лоб уронив на запястье
Короткие фразы рубил.

“Не ведая горя и страха,
Не чувствуя зла и беды,
По склону скользит росомаха,
И тают под солнцем следы”.

Он бредил далеким покоем,
Обрывистой горной страны,
Где тундра напитана зноем,

Лишь медом так соты полны.

“И пусть,- говорил он,- все прахом.

И сам я в плену у судьбы.

Я видел - скользит росомаха,

И тают на склоне следы”.

А я был спокоен и сдержан,

Воспитан и попросту трезв.

Я видел - разбилась надежда,

К попутчику в душу не лез.

Наш поезд качался и ахал.

В вагоне просили воды.

Мне снилось:

“Скользит росомаха,

И тают на склоне следы.”

Безветренно, морозно, тишина.

Безветренно, морозно, тишина.

Туман на снег ложится пеленою.

Над крышами дымок.

А под трубою

Дрова в печи трещат, и печь красна.

Простое и уютное жильё.

Здесь пахнет хлебом, тмином и сосною.

Здесь все давно течет само собою.

Никто не помнит - кем заведено.

Здесь каждому отмерено свое.

Доволен всяк собою и судьбою.

Здесь все давно течет само собой,

Никто не помнит - кем заведено.

Я постучусь в заветное окно.

Хозяева меня, конечно, впустят.

Я встречу утро новое без грусти.

Никто не помнит - кем заведено.

Здесь каждый новый гость,

Как Новый год.

А Новый год встречают хлебом-

Солью.

Поделишься здесь радостью и болью.

Никто не помнит - кем заведено.

И будет дальше путнику легко.

Дорога в радость, а удача - рядом.

Здесь провожают только добрым

Взглядом.

Никто не помнит - кем заведено.

Надоело искать и терять,
Ждать, надеяться, помнить и верить
Биться в стену, в закрытые двери,
Поезда бестолково встречать,
Продираться сквозь заросли лжи,
Умываться чужими слезами,
Уходить проходными дворами
И в парадных заплеванных жить.
Пропаду я в далеких снегах.
Там тускнеют житейские драмы.
Там подземные кардиограммы
Чертит Время на белых снегах.
Здесь над дружбой не властны года.
Здесь удача - случайная радость.
Здесь имеют завидную слабость
На болотах растить города.
Белый город встает над землей.
Белый город - суровый и нежный.
Город Веры, Любви и Надежды.
Город, ставший моею судьбой.

Мир добрых помыслов и чувств.
Мир светло - голубых видений.
Пирог с капустой в воскресенье,
Малины перезрелой куст.
Мир добрых помыслов и чувств -
Хлеб с молоком, тарелка с медом,
Ночные дерзкие походы
По чердакам, по огородам, оврагам
Если ты не трус.
Мир добрых помыслов и чувств...
Священной дружбой упоенье.
Болят разбитые колени,
Но сладок страшной тайны груз.
Мир добрых помыслов и чувств.

Три ночи вьюга бушевала.
Снега отчаянно мели.
А утро белым покрывалом
Укрыло все грехи мои.
Я будто заново рожденный
Ступаю в первый робкий снег,
Ловлю среди оков студеных
Луча серебряного бег.
Он легок, молод и беспечен,
Играет, в соснах заплутав,
Сквозь бесконечность
В бесконечность
Спешит он, цепи разорвав.
А я по-прежнему несносен
Иду к тебе, как в первый раз.
И чуть дыша, целую просинь.
Твоих больших усталых глаз.

Я вернулся к тебе заросший,
Опьяненный осенней прелью.
Подарить тебе хочется рощи,
Их пурпурное уединение,
Их нетленное, вечное золото,
Осыпающееся под ноги.
И смиренность манящего зова
Одинокой лесной дороги.
Симпатичные лица сучьев,
Серебристые нити солнца,
И желанье губами слушать,
Как с землею тепло расстается.
Я вернулся к тебе заросший,
Как бродяга после скитаний.
Чтобы очи твои продрогшие
Согревались моим дыханьем.

А мне ночами снится
Осенний сад,
Где солнечные листья
В лучах парят.
Где чудится мелодия,
И пахнет прелой вечностью,
Где колобродит молодость
В объятиях беспечности.
И терн здесь превосходен,
Мороженный и терпкий.
Желает поздороваться,
Протягивает ветки.
А пни - под стать философам -
Плешивые и мудрые.
А рядом подберезовик
Изящный и упругий.

Имя Римма.

В этом имени что-то

От древнего Рима,

От Ромула и Рэма

И от волчицы.

Это имя звездою

Молчит и лучится.

Имя Римма.

В этом имени что-то

От вечного Рима.

В этом имени что-то

От зияющей вечности.

А девчонка, любимая,

Так бесконечно ранима.

В недоверчивый век

Так отважно доверчива.

Имя Римма.

Весною, как и год назад
Жена схватила ностальгию.
И стал печальным и унылым
Ее большой и серый взгляд
Весною, как и год назад,
Подобно перелетным птицам,
Мы все отчаянно стремимся
Войти в отцовский дом и сад.
Весной аэропорт Сургут,
Чернея от недосыпанья,
Худал, как всякий северянин
И был озлоблен и угрюм.
Он ждал тепла, хотел покоя.
И, кажется, страдал запоем.

Автоэпитафия.

“Летит звезда.

Кого-то время кличет”.

П. Суханов.

Летит звезда.

Кого-то Время кличет.

И вот из чресл высоких Бытия.

Мне выпадают роковые числа.

И женщины, их дети, их друзья.

И их мужья, которым Бог поможет,

Когда уже не в силах буду я.

“Мы курьеры карьеров,

Работяги России.

Мы плюем на карьеру.”

П. Суханов.

Мы курьеры карьеров,

Гладиаторы трасс.

Мы плюем на карьеру.

А карьера на нас.

Прощай, угрюмая страна.
Страна запоя и простуды.
Забудут наши имена,
Забудут наши имена.
И лица наши позабудут.
Забудут то, чем жили мы.
И тех, кого мы так любили.
Мы все, увы, обречены,
Мы все, увы, обречены,
На то, чтоб нас перезабыли.
Уйдем мы в сумрачный закат.
В глухом безмолвии растаем.
И наш испытанный вожак,
И наш испытанный вожак
Нас уведет, как волчью стаю.

Содержание

<i>Березы в снегу</i>	4
<i>Таежная баллада</i>	6
<i>Босиком</i>	9
<i>Полюбить этот край тяжело</i>	10
<i>Дом</i>	11
<i>Ваше сиятельство, милая пани</i>	12
<i>А лето кончилось</i>	14
<i>Белый лист оставляет без сна</i>	15
<i>Скрипело, двигалось, визжало</i>	16
<i>Ночь-воровка</i>	18
<i>За женщиной вхожу в осенний сад</i>	20
<i>Ветер сшил</i>	22
<i>Час жестокий</i>	23
<i>Любить тебя</i>	24
<i>Я не могу разгадать</i>	25
<i>Продаются щенки Королевского дога</i>	26
<i>Родина</i>	28
<i>Ты представь себе</i>	30
<i>Эти свадебные сани</i>	31
<i>Карты розданы</i>	32
<i>Любой предмет достоин глубины</i>	33
<i>Крик</i>	34
<i>Театр</i>	35
<i>Опять разжалован в пажи</i>	37
<i>Свежо!</i>	37
<i>Я пес у Ваших ног</i>	37
<i>Похолодало!</i>	37

<i>Дворник</i>	38
<i>Времена</i>	39
<i>Творчество</i>	40
<i>Мастерство</i>	42
<i>Милая</i>	43
<i>Шестнадцать коротеньких строк</i>	44
<i>Терриконы</i>	45
<i>Служенье муз</i>	46
<i>Клятвы</i>	47
<i>Я вернусь</i>	48
<i>Как вечный лист</i>	51
<i>Люди любят ночами</i>	52
<i>За крик печали и тоски прости</i>	53
<i>После пожара в библиотеке</i>	54
<i>Нам веселиться - пара пустяков</i>	56
<i>Посидим, подумаем</i>	57
<i>Перед рассветом</i>	58
<i>В таверне - сизый смог</i>	61
<i>Послесловие</i>	62
<i>Душа мятежная моя</i>	63
<i>Разбивалась пурга о бетонные стены</i>	64
<i>Другая повесть</i>	65
<i>Где-то, за синими далями</i>	66
<i>Ночная тревога</i>	67
<i>Конец сезона</i>	68
<i>Новости</i>	69
<i>Привальная песня</i>	70
<i>Золотые монеты</i>	72
<i>Плач</i>	73

<i>Случай в дороге</i>	74
<i>Щенячие охи и ахи</i>	76
<i>Безветренно, морозно, тишина</i>	78
<i>Надоело искать и терять</i>	80
<i>Мир добрых помыслов и чувств</i>	81
<i>Три ночи вьюга бушевала</i>	82
<i>Я вернулся к тебе заросший</i>	83
<i>А мне ночами снится</i>	84
<i>Имя Римма</i>	85
<i>Весною, как и год назад</i>	86
<i>Автоэпитафия</i>	87
<i>Прощай, угрюмая страна</i>	88

Письмена
Стихотворения
Игорь Северский

Тех. редактор - М.М. Погореляк
Верстка - А.Ф. Хайрулина
Литературный редактор - Н. Чумаченко
Художник - Н. Волынец
Фото - Н. Денисов

ББК 84. 2 (Рос - Русс)

Лицензия Плр № 040258
Сдано в набор 15.07.97 г.
Подписано в печать 01.09.97 г.
Формат 135x90-1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура "Times New Roman Cyr"
Тираж 1000 экз. Заказ № R - 40/105
Издательство "Приобье"
Нишневартовского района

